

Л.И. Сараскина

**«Обустройство» против «Перестройки»:
идейный конфликт 1990-го глазами художника и власти**

Вырвавшись на простор центральной печати, «Архипелаг ГУЛАГ» обрушился на мир как лавина: главы печатались в «Даугаве», в «Волге», в «Литературном Киргизстане»; полностью книга ожидалась в «Советском писателе», и несколько других издательств боролись за право печатать всё, немедленно, хоть бы и одновременно, и всем вместе. Солженицына же не покидало ощущение: как такой текст может легально читаться в СССР? Казалось, сотрудники КГБ должны отрядами ходить по домам подписчиков и отбирать у них эти полтора миллиона книжек.

Но СССР уже был другим: никто по домам не ходил и ничего не отбирал. Старый агитпроп на партсобраниях еще пел свою прежнюю песню: «В печать просочились произведения врага нашего строя Солженицына» — а в стране бушевала «эпидемия» журнальных публикаций. В 1990 году «Новый мир» печатал роман «В круге первом» и повесть «Раковый корпус», «Звезда» — «Август Четырнадцатого», «Наш современник» — «Октябрь Шестнадцатого», «Нева» — «Март Семнадцатого», «самое петроградское сочинение», уведомляя заодно, где появится «Август» и «Октябрь».

Дальше — больше. Слово вылетело, обрело плоть, да и поезд шел вразнос. Опасно полыхали пожары перестройки — национальные волнения, конфликты на Кавказе, в Средней Азии, Прибалтике с участием войск и применением оружия. Обнажились катастрофы с землей, водой, едой; всё громко трещало и обваливалось. В Рязани или Вологде местные держиморды еще могли выгнать с работы учительницу за вольные разговоры на уроке литературы о Платонове, Набокове, Оруэлле, — а Солженицыну шли сотни писем от сотрясенных читателей «Архипелага», и намечались переводы его на узбекский, армянской, грузинский языки. Летом 1989-го вся страна неотрывно, две недели подряд, сидела у телевизоров и смотрела Съезд народных депутатов — и то, как говорил А.Д. Сахаров о преступной войне в Афганистане, и каким драматическим было его столкновение с орущим залом: «Горжусь своей ссылкой в Горький за критику этой позорной авантюры, извиняться мне не в чем». Президиум Съезда во главе с Горбачевым не мог унять злобствующих депутатов; обвинитель Сахарова под стоячую овацию скандировал лозунг «Держава — Коммунизм — Родина».

А преданный Горбачёву помощник А.С. Черняев, получивший в те месяцы от «своих» прозвище «последний редут», писал в дневнике 3–21 января 1990 года: «Я все больше прихожу к тому же (с моим-то опытом, в котором вся жизнь и политика упирается в Горбачёва): пока он не сбросит с себя “коммуниста, верного социалистическим ценностям”, перестройку ему больше не двинуть, ибо общество далеко ушло от этой концепции, а “партия” цепляется за нее, чтобы тянуть все назад — к социализму без Сталина и репрессий, к

“тому самому”, что был “в основном построен”... Кстати, Ельцин заявил, что он баллотируется в Верховный Совет РСФСР и хочет стать ее президентом! Думаю, что он встанет на этот путь. А Горбачёву этот пост в России уже не доверяют! Вот так: Ельцин будет пожинать плоды великого исторического поворота, которому все — и мир, и Россия — обязаны Горбачёву... И везде рушится комдвижение. Новая, новая эра наступает... Решительнее, смелее надо уходить от стереотипов ленинизма — иначе останемся в хвосте мировой истории. А Горбачёва еще прочно держат за фалды “страхи” из прошлого. Он скорее инстинктом и душой рвется на новые просторы, а разумом не охватывает всего... или боится “делать выводы” — политические»¹.

На что же и на кого же опирался Горбачёв в этот опаснейший момент? Ближайшие к нему люди делали безрадостный вывод: народ не может простить ему пустых полок и беспорядков, перестроечные партийцы — лицемерных объятий с Лигачёвым; интеллигенция — заигрывания с националистическими силами. И все они вместе видели, что Горбачёв утратил чувство управляемости процессами, не знает, куда идет, и не очень понимает, что происходит. «Даже мне, пропитанному политикой, хочется спрятаться от жизни и носить пистолет в кармане в качестве опоры душевного успокоения» (А.С. Черняев). И общая стратегия горбачёвской гласности слишком напоминала Высочайший манифест Николая II «Об усовершенствовании государственного порядка», когда в октябре 1905 году он вроде бы дал стране свободу, но хотел, чтоб ею пользовались по его усмотрению. Большевики сразу объявили Манифест обманом и призвали все левые силы его игнорировать.

1

С самого начала перестройки резко обострились межнациональные отношения. Уже с 1986 года наблюдаются столкновения между группами молодежи в Якутске, массовые беспорядки на улицах Алма-Аты, есть убитые, тысячи раненых. Применены войска. События в Алма-Ате — сигнал о том, что дружба народов, триумф ленинской национальной политики, трещит по швам. В 1987-м манифестации крымских татар, требования автономии, манифестации в Прибалтике, демонстрация в Нагорном Карабахе. В 1988 — дальнейшее обострение кризиса в Нагорном Карабахе. Митинги в Баку, погромы и резня в Сумгаите, забастовки в Степанокерте. В Вильнюсе провозглашено образование «Саюдиса». Огромная демонстрация в Риге против нахождения Латвии в составе СССР; забастовки в Армении, митинги и блокада аэропорта в Ереване. Власть издает Указы о неотложных мерах по наведению порядка, в ответ — митинговый марафон, в Прибалтике, Азербайджане, Армении. Начинается национальное движение в Молдавии. Горбачев в новогоднем обращении к народу убеждает, что все идет по плану, что начинается второй этап политической реформы, и обещает гармонизацию межнациональных отношений. Это обещание будет повторяться из года в год. 1989-й: требования суверенитета в Молдавии, многодневные митинги в Грузии под лозунгами «Долой Российскую империю!», в Тбилиси направлены войска, проходит

спецоперация, 16 человек погибли. Горбачев призывает учиться работать в условиях демократии. И опять обостряется ситуация в Нагорном Карабахе. Литва принимает Декларацию о суверенитете республики. Начинаются столкновения на национальной почве в Узбекистане, в Фергане, столкновения в Казахстане, усиление сепаратистских настроений в Молдавии, Литве, Латвии, Грузии, Азербайджане, где уже всюду говорят о праве на собственную государственность. Республики Прибалтики объявляют незаконным свое присоединение к СССР. Политбюро сознает, что в ряде республик уже не владеют обстановкой. Начинают задумываться о законе, предусматривающем право на выход из СССР.

Горбачёв предлагает новый Союзный договор, обновление Федерации и настаивает, в качестве выхода из положения, крепить единство КПСС, полагая, что как раз коммунистическая партия есть интегрирующий фактор. Очень скоро выяснится, что это фундаментальная ошибка Горбачёва.

На дерзких московских митингах о Горбачёве говорили теперь как о «заходящей звезде, свет которой еще чуть-чуть виден на Западе». Как больно все происходящее напоминало сцены из «Красного Колеса». И Черняев записывает: «Солженицын “Март 17-го”. Газеты, газеты. Вот сегодня в “Комсомолке” за 22 марта — о распаде комсомола. На ТВ видно, как общество рушится... А на Пленуме ЦК хватаются за идола прошлого. Лигачёв требует в Устав: цель — коммунизм! И устроил на Политбюро истерику, что опять не учли его предложение (записали лишь “коммунистическую перспективу”). Поразительная вещь: журналы, даже газеты, даже ТВ полны умных рассуждений о сути и судьбах марксизма, социализма, ленинизма... А этой серости во главе КПСС с теоретической подготовкой ВПШ образца 50-х годов на все наплевать. “Коммунизм — цель”. “Марксизм-ленинизм” — идейная основа партии! И ты хоть лопни. А ведь в Политбюро таких... да все, кроме двух, трех! Но оно определяет дух политики. Оно».

В приватном разговоре с Черняевым Горбачёв признавался, что обычно, читая настоящую талантливую вещь, увлекается не сюжетом, а языком, словом, и часами может думать над одной фразой. *Черняев*: «Я ему говорю по этому случаю: тогда вы Солженицына должны любить... У него не только в каждом слове, а в пространстве между слов — глубина и тайна русского смысла. Молчит Горбачёв. Не читал ни “Октября 16-го”, ни “Марта 1917-го”».

12 июня 1990 года Верховным Советом СССР был принят закон «О печати и других средствах массовой информации», в котором прямо говорилось, что «цензура массовой информации не допускается». По новому закону предварительная цензура рассматривалась всего лишь как услуга, оказываемая Главлитом на добровольной и безвозмездной основе. Печать и информация уходили из-под власти партаппарата, ощущавшего теперь полное свое бессилие. «Записка Идеологического отдела ЦК КПСС о неотложных мерах по укреплению партийной печати» от 2 апреля 1990 года была тревогу: «Принципиально меняется ситуация, в которой предстоит работать КПСС, ее

комитетам и организациям, партийной прессе. Принятие Закона о печати и других средствах массовой информации, становление многопартийной системы требуют пристального учета политической перспективы, оперативных упреждающих действий. Идущий в обществе процесс усиления независимости Советов от партии неизбежно скажется на изменении существующей структуры печати, особенно городской и районной. Пока эти газеты являются органами партийных комитетов и местных Советов народных депутатов. Однако в условиях многопартийности и при соответствующем изменении состава депутатского корпуса местные Советы могут взять городские и районные газеты полностью под свой контроль. Это означает, что райкомы, горкомы КПСС окажутся без своих печатных органов»².

Расширение гласности лишало компартию огромного пласта той печати, которая управлялась парторганизациями и влияла на формирование общественного сознания. ЦК КПСС, за подписью Горбачёва, в оперативном порядке принимал неотложные меры по спасению партийной печати, в том числе и за счет рекламно-коммерческой деятельности партийных изданий. Низовым партийным изданиям разрешалось до 50 процентов газетной площади отводить под рекламу — общественную, бытовую, семейную, событийную и иную. При разумном подходе, полагал генсек, внимание к коммерческой стороне дела не только не должно нанести ущерба содержательным, идейно-нравственным моментам, но, напротив, должно повысить возможности гуманизации партийной прессы.

Но тогда эти «неотложные меры» казались спасением утопающих. В центральные газеты взамен старых, застойных кадров направляли «прорабов перестройки» — но почти всегда это тоже были люди, проверенные работой в высоких партийных структурах. Так, в марте 1990-го главным редактором «Литературной газеты», которой в течение 26 (!) лет (1962–1988) руководил А.Б. Чаковский, неутомимый гонитель Солженицына, стал Ф.М. Бурлацкий, в послужном списке которого была и деятельность в отделе ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями соцстран, и участие в авторском коллективе «Морального кодекса строителя коммунизма» (1961), и серьезное сотрудничество (политический обозреватель) с газетой «Правдой». Но — Ф.М. Бурлацкий, в отличие от старой гвардии, не был догматиком и с готовностью поступался коммунистическими принципами во имя нового мышления.

Факт тот, что в апреле 1990-го «Литературная газета» и ее новый главред «с запоздалым бесстрашием» (А.И. Солженицын) обратились в ЦК КПСС с ходатайством о восстановлении гражданской и юридической справедливости в отношении изгнанника. В январе 1990-го вернули советское гражданство М.Л. Ростроповичу и Г.П. Вишневской — они ответили твердо: не вернемся раньше Солженицына. И добавили: он, конечно, вернется, только когда с него снимут гнусное звание изменника родины, за что тогда полагался расстрел! Человек, перед которым все мы должны преклониться, — и с этим тавром! Немыслимо!

В середине августа «Известия» опубликовали сообщение о возвращении гражданства 23-м эмигрантам. В списке значились: В. Аксенов, Г. Винс, Г. Владимов, В. Войнович, М. Восленский, И. Геращенко, И. Глаголев, А. Карягин, Л. Копелев, В. Корчной, Ю. Новиков, Ю. Орлов, Р. Орлова, О. Рабин, И. Ратушинская, И. Реэметс, Н. Руденко, А. Солженицын, Н. Солженицына, В. Тарсис, В. Чалидзе, И. Шахназаров, И. Шелковский.

Трудно было не удивиться, обнаружив и себя в этом списке. Во-первых, почти все из перечня уехали по своей воле, через ОВИР, и были *эмигрантами*, в то время как он был *изгнанник*. Во-вторых, помимо лишения гражданства, он был обвинен по пресловутой 64-й статье, которая продолжала на нем висеть. В-третьих, его вышвырнули за границу через арест и депортацию, и извинений за это насилие ему никто не принес. Половинчатое восстановление в правах не должно было сбить толку. За годы изгнания ни один представитель власти не вступил с ним в контакт ни в какой форме — ни письменно, ни устно, ни прямо, ни через посредников. Значит, до тех пор, пока прокуратура СССР не снимет обвинение и Президиум Верховного Совета не выразит ясного отношения к Указу от 13 февраля 1974 года о выдворении, нечего и разговаривать о возвращении гражданства. Но власть не собиралась публично признавать свои ошибки. «Всегда двусмысленный и нерешительный, Горбачёв не мог отважиться на такой шаг... На это — Горбачёв идти не хотел, не пошёл»³.

Солженицын и на расстоянии двух океанов чувствовал горбачёвскую нерешительность и его всегдашние колебания. Но оказывается, тут было еще и упрямство, и непреклонность. Черняев: «Горбачёв и здесь опоздал. Это надо было сделать два — два с половиной года назад, когда такую акцию приписали бы ему лично. А сейчас уже никто не видит в этом его заслуги. Да и в самом деле, это результат самой логики времени. Он ей положил начало, но с ним ее уже не связывают. Между прочим, мы (я, Шахназаров, Яковлев, Арбатов) давно приставали к нему с Солженицыным, еще когда Политбюро было в форме и в силе. А он на ПБ говорил: никогда! хотя сам много раз учил нас никогда не говорить “никогда”».

Кажется, теперь генсеку было вообще не до Солженицына. Гласность, вызвав необратимую цепную реакцию, сметала все на своем пути. Сложилась опасная ситуация, которая случается на скользкой дороге, — неуправляемый занос. Справиться с ним, особенно неопытному водителю, очень трудно. Когда машина выходит из-под контроля и становится совершенно неуправляемой, только везение может спасти рулевого. Горбачёву явно не везло, и его государственную машину заносило вбок с пугающей скоростью. 1 мая на Красной площади демонстранты освистали генсека, обругали КПСС и режим: «Кремлевский Чаушеску», «Из Политбюро — на тюремные нары». Черняев: «Исторический день... Впервые на площади митинг, а потом шествие, но с требованиями и предупреждениями, вместо “ура, да здравствует”. После того, как сошла первая, официальная волна демонстрантов, на площадь ввалилась вторая волна “московских клубов избирателей” с лозунгами “Долой Горбачёва”,

“Долой КПСС — эксплуататора и грабителя народа”, “Долой социализм”, “Долой фашистскую красную империю”, «Свободу Литве”, “Партия Ленина прочь с дороги” и т.п. Горбачёв и другие стали спускаться с Мавзолея под улюлюканье и хохот, сопровождаемыми криками: “Позор”, “Пошляки”. Красную площадь покрыл оглушительный свист. Вот такая ненависть... Горбачёв звонил мне вечером, ругался: хулиганы, мурло».

Власть, которую публично освистывают во время праздничного парада, была обречена — вблизи это виделось яснее ясного. Эмоции «обкомовского происхождения» помочь уже не могли. Как не могла помочь серая пена старой партийной риторики, которой перестройщики во главе с Горбачёвым пытались прикрыть прорехи перестройки. Как ничем уже не мог помочь гнев архитектора перестройки на средства массовой информации, которые, во-первых, «распоясались» и не выказывают никакого уважения Президенту страны, во-вторых, злорадно транслируют поразительную неблагодарность советских людей к Горбачёву и, в-третьих, свидетельствуют, что единению народа с руководством наступил конец.

И снова та же самая навязчивая параллель: «Дочитал в “Неве” очередную порцию “Март 1917-го” Солженицына. Прямо таки хрестоматия о том, как происходят революции. И очень все похоже. Думаю, мы приближаемся к русскому 1791 году!.. Очень все напоминает то, о чем пишет Солженицын про 1917 год» (Черняев).

Плоды гласности, умноженной на нерешительность и попытку усидеть на двух стульях, неумолимо настигали автора перестройки. Визит Горбачёва в Китай (май 1989 года), спустя 30 лет после поездки Хрущёва, попытка нормализации советско-китайских отношений, драматически совпал с массовыми антикоммунистическими выступлениями молодежи, которые были подавлены китайской армией 3 июня на площади Тяньаньмынь. Массовое бегство граждан ГДР в ФРГ, тяжелые беспорядки в Восточной Германии, крах репрессивного режима Э. Хонеккера привели к падению Берлинской стены. Бесславный конец социалистических режимов в Восточной Европе дал старт окончательной десоветизации Польши, Венгрии, Румынии, Германии, Болгарии.

И еще весной 1989-го, в дни выборов народных депутатов СССР, возник вопрос об отмене идеологической и политической монополии КПСС, то есть 6-й статьи Конституции СССР. В ней значилось: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу. Вооруженная марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный научно обоснованный характер его борьбе за

победу коммунизма. Все партийные организации действуют в рамках Конституции СССР».

Борьба за отмену 6-й статьи союзной Конституции шла в острых прениях умеренного крыла сторонников перестройки во главе с Горбачёвым и радикалов (Межрегиональная депутатская группа), требовавших полного и немедленного уничтожения советской политической системы. Рупором радикалов стали журнал «Огонек», газеты «Московские новости», «Московский комсомолец», «Аргументы и факты». В результате бурной полемики, массовых митингов и прочих акций протеста, а также призывов к всеобщей политической забастовке монополия КПСС была отменена, и отныне 6-я статья Конституции звучала в свободной редакции: «Коммунистическая партия Советского Союза, другие политические партии, а также профсоюзные, молодежные, иные общественные организации и массовые движения через своих представителей, избранных в Советы народных депутатов, и в других формах участвуют в выработке политики Советского государства, в управлении государственными и общественными делами». С сентября 1989 года в вузах СССР перестали преподавать марксизм-ленинизм. Принятый в октябре 1990-го закон «Об общественных объединениях» по факту признал возникшую в стране многопартийность.

И хотя уже был учрежден пост Президента СССР и его занял Горбачёв, в затылок ему дышал радикальный политик Б.Н. Ельцин. В 1987-м году он резко выступал против маятника перестроечной политики, критиковал членов ЦК КПСС, за что впал в немилость. В 1988-м он вновь обвинил Политбюро в бездеятельности и множественных ошибках. В 1989-м был избран народным депутатом СССР по Московскому округу; в 1990-м — народным депутатом РСФСР. Когда в мае 1990 года на выборах главы Верховного Совета РСФСР Горбачёв доказывал, что Ельцин не достоин быть избранным на этот пост, его вроде и слушали — однако Б.Н. победил в первом же туре. Новый глава Верховного Совета заявил, что Россия будет самостоятельна во всем, ее решения должны быть выше союзных. Так началась война суверенитетов, в поединке сошлись два лидера — Горбачёв и Ельцин, и это противостояние лишь усилило хаос в стране.

2

2–13 июля 1990 года прошел XXVIII съезд КПСС. Ему суждено будет стать последним — уже в следующем году КПСС упразднят вместе с СССР. Накануне съезда Горбачёв собрал свою команду в резиденции Ново-Огарево и разоткровенничался — в том смысле, что жизнь одна и ее не жалко отдать за что-то стоящее, что он ни о чем не жалеет: раскачал такую страну. «Кричат: хаос, полки пустые! Партию развалил, порядка нет! А как иначе? История иначе не делается. И как правило, такие большие повороты сопровождаются большой кровью. У нас пока удалось избежать ее. И это уже колоссальное достижение. И весь мир теперь размышляет в духе нового мышления. Это что? Так себе? И все ведь — к человеку, все в русло цивилизаторское. А дефициты и полки пустые

переживем. Колбаса будет. Ругают, клянут! 70 процентов аппарата ЦК и самого ЦК против меня, ненавидят. Не делает это им чести: если поскрести — шкурничество. Не жалею ни о чем и не боюсь. И на съезде не буду ни каяться, ни оправдываться» (Черняев).

И пока Горбачёв выступал в американских университетах, где его называли великим человеком, уникальным деятелем и большим мыслителем, пока он упивался аплодисментами и восторгами студентов и политиков, в Москве на крестьянском съезде выступал Лигачёв и уже открыто называл президента СССР предателем, развалившим страну и социалистическое содружество. Слова, что он, Лигачёв, будет бороться за коммунизм до конца, тоже тонули в аплодисментах. И в то же самое время от писателей, театральных деятелей и нечиновных коммунистов шли в Кремль телеграммы и звонки — индивидуально и целыми организациями люди хотели выйти из компартии. Поступали сведения, что творческие союзы собираются скопом избавиться от партийных билетов. Независимая пресса публиковала заявления своих сотрудников, что в РКП они не пойдут. Встречаясь с ультра-левыми и национал-патриотами, Горбачёв уже привычно выслушивал их грубости, сносил махровые оскорбления, но пытался и с ними находить общий язык, предавая при этом всех, кто бросался его защищать. Помощники умоляли его оставить пост в партии, доказывали, что выход из партии для него означает быть выше всех партий, а значит, свободным от нападков и оскорблений.

Разница между тем, каким он был *там*, и каким оказывался *здесь*, была огромна — *там*, в Европе и в Америке, он мог позволить себе искренние слова, политические фантазии, блестящие экспромты. *Здесь* он ловчил, поминутно пятился назад и тащил, будто свою кожу, красный идеологический шлейф. Встречаясь с рабочими, говорил: «КПСС — это партия рабочих. Идеология ее — от рабочего класса». Его сторонники пребывали в полной растерянности. В официальных докладах говорил одно, а под угрозой забастовок и под давлением левых опять вспоминал о «социалистическом выборе». Агентура КГБ доносила с мест, что Нобелевская премия мира для Горбачёва (он был удостоен высокой награды в октябре 1990-го «в знак признания его ведущей роли в мирном процессе, который сегодня характеризует важную составную часть жизни международного сообщества») оценивается большинством населения негативно. Влиятельнейшая британская газета «Таймс» писала о нем: «Превозносимый в мире и прокливаемый у себя дома». И в самом деле: лауреат получал десятки писем и телеграмм крайне обидного содержания: «Господин Генеральный секретарь ЦК КПСС, поздравляю с премией империалистов за то, что Вы завалили СССР, продали Восточную Европу, разгромили Красную Армию, отдали все ресурсы Соединенным Штатам, а средства массовой информации — сионистам». Или: «Господин Нобелевский лауреат, поздравляем Вас за то, что Вы пустили свою страну по миру, что добились премии от мирового империализма и сионизма, за предательство Ленина и Октября, за уничтожение марксизма-ленинизма».

...В течение десяти дней выступления делегатов XXVIII съезда сводились к бессмысленным лозунгам «дать отпор», «призвать к ответу» и клятвам в верности учению Ленина. «Скопище обезумевших провинциалов и столичных демагогов. Настолько примитивный уровень, что воспринять что-то, кроме ВПШ'овского “марксизма-ленинизма”, они просто не в состоянии. Все иное для них предательство. В лучшем случае — отсутствие идеологии... Масса жаждет крови, требует заслушивать каждого члена ПБ, чтоб превратить съезд в экзекуцию» (Черняев). Стенографический отчет занял семь томов, пять тысяч страниц печатного текста. Редкие здравые выступления о необходимости спасти не партию, а народ и государство, тонули в трескучей партийной риторике. Горбачёв же в отчете съезду говорил о революционном рывке во всех сферах жизни. От имени редакционной комиссии предлагалось принять политическую резолюцию КПСС, в которой бы решительно осуждались участвовавшие нападки на Ленина и его учение. Активная защита «вождя мирового пролетариата» от циничной клеветы и шельмования вменялась каждому коммунисту и каждому честному человеку как их священный долг. Качели раскачивались все сильнее.

Внутренние разногласия на съезде были столь сильны, что утвердить новую программу компартии не удалось. Кризис в партии также был столь глубок, что сторонники реформ уже не хотели ассоциировать себя и свою политику с КПСС. Когда 12 июля 1990 года Ельцин заявил о выходе из КПСС, одна часть Кремлевского дворца съездов взорвалась аплодисментами, а другая осуждающе зашумела и засвистела. Однако рейтинг Б.Н. неуклонно рос, опережая рейтинги и Горбачёва, и Рыжкова, и Бакатина, и Шеварднадзе. Основатель и главный редактор еженедельника «Аргументы и факты» В.А. Старков, опубликовавший результаты опроса, выгодного не для Горбачёва, а для Ельцина, чуть не поплатился должностью: в иные моменты «Горби» начисто забывал, что сам дал прессе свободу слова.

Все видели, насколько он одинок и изолирован — после выступлений к нему уже никто не подходил и ничего не спрашивал: Нобелевский лауреат одиноко шел за кулисы в сопровождении своего охранника. Его жалели уже публично — в газетах и на телевидении, повторяя всякий раз, как это печально, когда приходится жалеть главу государства. Ельцин, перехватывая инициативу, везде, где это у него получалось, обращался к согражданам с призывом: «Давайте спасать то, что еще можно спасти в России, над которой провели такой недобросовестный эксперимент».

Однако несмотря на глубокий системный кризис внутри партии, Горбачёв был переизбран генеральным секретарем партии на второй срок. Одновременно стали создаваться альтернативные партии, не зависящие от КПСС. Под шумок, как это и бывает всегда, происходила номенклатурная приватизации — ее планы не декларировались и не обсуждались на съездах и пленумах. Ее цель — растворить недвижимую и денежные ресурсы КПСС в сети коммерческих структур, управляемых доверенными лицами на правах собственников, —

достигалась тихо и только между «своими». Гостиничные комплексы, виллы, дачи, санатории, гаражи, издательства, типографии, административные здания, загородное хозяйство — все это передавалось на баланс неких акционерных обществ и совместных предприятий за бесценок. В странах со льготными налоговыми законами, в офшорных зонах всего мира КПСС создавала АО, переводя на их счета деньги из бюджета СССР. За короткий срок были созданы тысячи СП и АО со смешанным капиталом на миллиардные суммы в рублях и долларах. В печати появятся шокирующие данные: к моменту распада СССР «ум, честь и совесть эпохи» развалила бюджет страны, наделала долгов на 86 млрд. долларов, вывезла из страны сотни тонн золота⁴.

Позже аналитики признают 1990 год трагичным и для страны, и для Горбачёва. Великая и благородная идея — избавить страну от сталинизма и тоталитаризма, построить справедливое общество «с человеческим лицом» — оказалась несбыточной мечтой. Гласность, в которую с невиданным азартом бросилось общество, развязала мощные протестные силы, которые слишком долго копились и потому, может быть, устремились к хаосу и разрушению. Идеологические качели, которые Горбачёв применил как технологию управления, полагая, что быть одновременно и с «вашими», и с «нашими» — это значит быть сразу со всем народом, себя не оправдали: первый Президент СССР лишился доверия и уважения всех групп населения. Оказалось также, что реформировать тоталитарный строй в формате «шаг вперед, два шага назад», сохраняя старые кадры и старые лозунги, невозможно.

В жесткой советской системе атрофировались возможности саморазвития; закосневшие методы и способы управления, привычные «правила игры» с партийной риторикой и монополией на руководство всеми сторонами жизни работали только на самосохранение. Горбачёв на своем опыте проверил слова Ленина о том, что только самоубийцы, взяв власть, готовы разрешить свободу печати и свободу слова — трагедия перестройки подтвердила иезуитскую правоту этого тезиса. Коммунистический порядок изначально был несовместим со свободой слова — замечу, это понятие так и не вошло в риторику перестройки. Сохранить однопартийную систему, при этом разрешив обществу свободную рефлексию на самого себя, оказалось невозможным: режим яростно сопротивлялся преобразованиям, становясь их непримиримым врагом. Горбачёвский лозунг «КПСС — авангард перестройки» оказался опаснейшей иллюзией: партийный монолит был самым большим тормозом реформ. Очень скоро об этом напишет Солженицын, понимая, что проверенного рецепта избавления от ленинско-сталинского коммунизма у человечества не имеется. «БЛИЖАЙШЕЕ. Часы коммунизма — своё отбили. Но бетонная постройка его ещё не рухнула. И как бы нам, вместо освобождения, не расплющиться под его развалинами»⁵.

На этом лихорадочном, чреватом большими бедами политическом фоне глава правительства РФ И.С. Силаев 18 августа 1990 года обратился к писателю

через «Советскую Россию» (ту самую, что кряду два десятилетия изливала на него мутные потоки) с письмом-приглашением приехать в Россию в качестве его *личного гостя*. «Обращаясь с этим письмом к Вам, великому сыну народа русского, я руководствуюсь прежде всего нашей общей любовью к многострадальной российской земле и ее народу. Вы в своих произведениях на весь мир произнесли Слово о России, ее судьбе в жестоком и беспощадном XX веке... Обновление России, возвращение её к истинным человеческим и духовным ценностям — вот наша цель. Мы знаем, что это — и Ваша цель... Вы не будете связаны по приезде сюда никакими обязательствами, касающимися Вашей дальнейшей судьбы. Программа же Вашего путешествия будет названа Вами, а моя миссия заключается в оказании Вам содействия»⁶.

Солженицын воспринял это письмо как плохо скрытую политическую игру — ельцинская сторона пытается разыграть его карту против Горбачёва. Надо ли ему, писателю, ввязываться в крутую и склочную политику, ведь в системе властных отношений, как ему виделось, ничего не изменилось. Если отдаться целиком политике — надо ехать немедленно, размышлял А.И. «И толкаться на московских митингах? на трибунах между Тельманом Гдлянном и Гавриилом Поповым?.. Я политическую роль сыграл в то время, когда глётки были совсем одиноки. А теперь, когда их множество?..»⁷

Ответ был передан через ТАСС сразу нескольким центральным газетам, и появился в «Комсомольской правде». «Для меня немыслимо быть гостем или туристом на родной земле — приехал и уехал. Когда я вернусь на родину — то чтобы жить и умереть там. В свой возврат я верил и в самые безнадежные годы... Вы пишете, что моё “слово дошло нынче и до нашей родины”. Отнюдь нет. Тормозят отчаянно. “Архипелаг ГУЛАГ”, книгу о наших миллионных страданиях, продают только на валюту в гостиницах для иностранцев да в “берёзках”. Это ли не издевательство? Да простому человеку никаких моих книг не достать и в Москве, что ж говорить о широких просторах, которые и *есть-то* Россия?.. Я не могу обгонять свои книги. Десятилетиями оклеветанный, я должен стать понятен моим соотечественникам, и именно не в одной столице, но — в провинции, но в любом глухом углу»⁸.

Высказывая слова благодарности главе российского правительства, Солженицын призывал очистить Русский Общественный Фонд от клеветы, снять судимости с его сотрудников, а сам Фонд легализовать. «Так — я не поехал в момент наивысших политических ожиданий меня на родине. И уверен, что не ошибся тогда. *Это было решение писателя, а не политика*. За политической популярностью я не гнался никогда ни минуты»⁹. В стране найдется совсем немного людей, кто, во-первых, поверит «решению писателя, а не политика», а во-вторых, поймет его и одобрит.

В ответе Солженицына И.С. Силаеву, опубликованном в «Комсомольской правде» (24 августа) и в «Советской России» (25 августа), были и такие строки: «Болями нашей страны я и живу всегда. И как раз сейчас окончил статью: мои посильные (и сколько мне доступно извне) соображения о нынешнем состоянии

страны и возможных и необходимых мерах, как я их понимаю. Вот неизвестно, “найдётся ли бумага” в СССР для дешёвого и массового издания этой брошюры»¹⁰.

«Советская Россия», оставаясь на ортодоксальных коммунистических позициях (ее, в память о письме Нины Андреевой, называли «вечной Ниночкой» и рупором ультралевых сил), этого абзаца как будто не заметила и откликнуться не пожелала. А вот «Комсомольская правда» (с 1 декабря 1990 года она перестанет быть органом ЦК ВЛКСМ и превратится во «Всесоюзную ежедневную газету») вычитала из ответа Солженицына будоражащую новость: писатель только что закончил публицистическую работу о нынешнем состоянии страны. В тот же день, 24-го августа, в Вермонт позвонил В.А. Фронин (с 1986 по 1988 — заведующий отделом ЦК ВЛКСМ, с 1988 по 1995 — главный редактор «Комсомольской правды») и предложил немедленно издать статью массовым тиражом 22 млн. экземпляров, при цене номера — 3 копейки. Газета отважно приняла статью — не читая, по одному только имени автора. Тут же взялась за дело «Литературная газета», тоже не читая и не зная содержания. Трудно было вообразить более льготный для автора и более демократичный для читателя режим публикации.

В ситуации, когда в стране все уже обваливается, Солженицын начинает работать над статьей, которую назовет «ОБУСТРОЙСТВОМ». Ухо человека, пишущего, говорящего и думающего на русском языке, в состоянии уловить разницу между ПЕРЕСТРОЙКОЙ и ОБУСТРОЙСТВОМ.

По Далю перестройка сродни ломке: «Перестройки да ломки хоть кого разорят». «На всякую перестройку кладу вполовину больше против сметы».

Устроить — приводить в порядок, улаживать. ОБУСТРОИТЬ значит создать необходимые условия для обеспечения чего-либо; сделать пригодным для пользования, охватить устройством целое, закончить дело, завершить процесс всеохватно. В слове «пере-стройка» отчетливо слышен радикализм процесса, в «об-у-стройстве» — улаживание последствий радикализма.

Проект «обустройства» был выдвинут против проекта «перестройки» и ее уже очевидных гибельных последствий. Радикализм деклараций и нерешительность в их осуществлении осознавался как вдвойне опасный.

В конце августа готовый набор статьи «Как нам обустроить Россию? Посильные соображения» (Солженицын работал над ней всё лето) был отослан в Париж, в «УМСА-press», второй экземпляр набора «живьем» отвезли в Москву родственники писателя. 18 сентября 1990 года работа вышла в «Комсомольской правде» и в «Литературной газете», тираж которой составлял более 4 млн. (статья была сверстана на четырех страницах газеты в виде 16-страничной брошюры). Общий тираж вместе с «Комсомольской правдой» приближался к 28 млн. экземпляров. Гонорар за свою статью Солженицын перечислил в пользу жертв Чернобыля. У Солженицына было ощущение большого сделанного дела, но он не сомневался, что последует и «большой хай».

Еще в февраля 1990-го он записал: «Каждый день, каждый вечер и утро по-новому разбираю, перекладываю, гадаю: мой долг и мои возможности по отношению к происходящим в России событиям. Ясно, что мое разъяснение Февраля практически опоздало: уже тот опыт никого не научит к нынешнему Февралю. (Но хоть написано будет о Девятьсот Семнадцатом! Кто б это *сейчас* взялся потратить на то 20 лет?) А зато я опоздал к событиям сам? А — что б я там сейчас изменил? много ли сделали Блок или Бунин в 1917? И даже Льва Толстого, доживи он до Семнадцатого, — кто бы в той суматохе слушал? Короленко же не послушали. Моё место — заканчивать мои работы. Когда-то раньше, в тюрьмах, мне представлялся конец коммунизма как великое сотрясение, и сразу новое небо и новая земля. Но это было в самой сути невозможно, и стало вовсе невозможно после того, как коммунистическая система прогноила все тело нашей страны... А пути — все равно надо искать»¹¹.

Он полагал, что программная работа о современной России после прорыва «Архипелага» должна быть услышана. Мысли — как может строится Россия на выходе из коммунизма — копились у него десятилетиями и уходили корнями в послевоенные тюремные камеры, в споры 1945–46 годов*. При этом он — издалека — видел, что Россия переживает период как будто и гласный, но еще далеко не свободный. Многие проблемы не вмещались ни в перестройку, ни в гласность; властная номенклатура, общество, миллионы читателей были не готовы к откровенному разговору «с последней прямокой». «По приходящим публикациям видел же я, как, как боялись затронуть Ленина или большевизм *в целом*. Из писем в “Книжное обозрение” тоже выступали заостреные обломки и даже массивы коммунистического воспитания. И вот надо было настаивать на преемственности *государственного* сознания, без чего невозможна мирная эволюция, — но отклонить же “преемственность” ленинской партийной власти. И надо было, пока не поздно, остеречь от безответственных черт парламентских демократий — но разве наших истосковавшихся и голодных людей напугаешь возможными пороками демократического общества? казалось им: дай только демократию! — и сразу наедемся, приоденемся, разгуляемся! Наконец, и сам язык статьи. Нельзя отдаться затрёпанному газетному языку, к которому уже так деревянно привык советский читатель политической литературы. Пишу сочной

* «Прослушка», добытая «оперативным путем» в 1965 году у физика Н.И. Кобозева, зафиксировала мнение Солженицына о возможном распаде СССР. «Меня поражает, что либеральные русские люди не понимают, что надо расставаться с республиками, не понимают, что надо смотреть сознательно... Либеральные люди. Я им говорю, что Украина — всё, должно отойти. “Нет, нет”. Ну, Украина — спорный вопрос. О правобережной, безусловно, разговаривать даже не о чем, пусть идет. А в левобережной по областям надо делать плебисцит и разделить по количеству населения. Но какой разговор — Закавказье, Прибалтика! В первый же день хотите — кто куда хочет, ради Бога! Только решите вопрос по финансовым расчётам. Что нам предстоит? Это будет ужас, если начнется развал у нас на Западе, да еще совместится с центральным! Я вообще не знаю, что будет. Полный развал. Интересно, что армяне, как и грузины... Это республика, которая подвергается такому жестокому контролю, как и многие другие. Допустим, как Прибалтика или Украина. А вместе с тем она достаточно самобытна и может избрать полу-румынский путь. У армян есть течения, желание освободиться, как у румын» (Кремлевский самосуд. Секретные документы ЦК КПСС о писателе А. Солженицыне. М.: Родина, 1994. С. 10–11).

и ярче, в духе того волнения, без которого нельзя говорить о сегодняшней советской обстановке, — и слишком увлёкся выразительностью лексики. “Мы на последнем докате” — настолько катастрофичным уже тогда казалось и мне, как многим, состояние страны, — я ещё не предполагал, какие же запасы развала нам предстоят»¹².

Больше всего его тревожил — при маятниковых стратегиях Горбачёва — уже вполне созревший и явственно видимый издалека распад Советского Союза. Внутри страны эта тема, несмотря на колоссальные национальные противоречия, которые не спасала пресловутая «дружба народов» и «ленинская национальная политика», была почти что запретная: разговоры такого рода «разжигали национальную рознь», возбуждали социальную ненависть и приравнивались к экстремизму. Солженицын видел, что крушение Советского Союза необратимо и неизбежно; его волнение росло с каждым днем по мере того, как росла угроза обрушения Исторической России. «Однако поди предупреди — и власти, и общество, и особенно тех, кто мыслит державно, гордится мнимым могуществом необъятной страны. А ведь государственный распад грохнет ошеломительно по миллионам судеб и семей»¹³.

В предвидении развала он призывал думать вперед, чтобы предотвратить разорение людей и их быта, облегчить неизбежные перемещения, озаботиться выбором новых мест, получением жилья и работы. Нужно было не упустить из вида права тех людей, кто останется на старых местах. Он показывал, как бесплодно и бессмысленно потрачено перестроечное время, которое ничем, кроме гласности, не было ни обеспечено, ни застраховано от губительных разрушений. При всем этом статья-брошюра подавалась автором не как единственно верный рецепт, а как одна из возможных точек зрения, как посильные соображения — и с вопросительным знаком в заголовке («Комсомолка», с досадой замечал Солженицын, умудрилась обронить вопросительный знак, и это сильно меняло тон, вносило категоричность, которой в брошюре не было).

«Историческое событие! Всё сказал! Всё влил — и с какою силой!» — так оценил брошюру М.Л. Ростропович телефонным звонком из Вашингтона. Солженицын имел все основания надеяться, что его «посильные соображения» станут основой или хотя бы предлогом для широкого всенародного обсуждения. Такая дискуссия, если бы она и в самом деле полноценно состоялась, могла бы на деле проверить градус гласности, а также желание власти заглянуть в ближайшее будущее своей страны.

Но — не тут-то было. В своем дневнике Черняев зафиксировал любопытное наблюдение: «Солженицын: брошюра в “Комсомольской правде” и в “Литературной газете”. Разговор Игнатенко с М<ихаилом> С<ергеевичем> о Солженицыне: в истории останутся он... да ВЛ. Ленин уйдет, а вот вы оба там будете. Зачем мелочиться?!» Руководитель пресс-службы Горбачёва В.Н. Игнатенко хотел, видимо, польстить своему шефу, поставив на одно призовое место в истории двух Нобелевских лауреатов: «перестройщика» и

«обустройщика». Но, как скоро даст понять Горбачев, им двоим в процессе реформирования России тесно: «обустройщик» в ней не помещается.

Во-первых, Президент СССР яростно возмутился предсказанием автора брошюры о неизбежности распада СССР. Он публично выступил в Верховном Совете и заявил, что дважды и очень внимательно, с карандашом в руках прочел брошюру и был крайне разочарован: «Солженицын хотя и великий человек, но мне чужды его политические взгляды. Брошюра *нам* целиком не подходит, со всеми её мыслями». Во-вторых, он «изгнал» Солженицына не только из ближайшего будущего, но даже и из актуального настоящего. В-третьих, новым местом «ссылки» Горбачев назначил писателю прошедшее время, ибо тот «весь в прошлом». В-четвертых, назвавшись демократом и радикалом, Горбачёв присудил Солженицыну тяжелую политическую статью — ибо тот «проявил себя монархистом». В-пятых, умело спровоцировал негативные выступления депутатов Верховного Совета из Союзных республик. «В поддержку вождю выступили и два депутата-украинца, выразившие гнев “всего украинского народа” против моих братских инсинуаций, и один депутат-казах. В самом Казахстане бурней: в Алма-Ате демонстративно сжигали на площади «Комсомолку» с моей статьёй. И публично — этим и завершилось всё “обсуждение”»¹⁴.

Но и это еще не всё. Предсказание (но ведь никак не мечта!) неизбежного распада СССР с пожеланием сохранить союз трех славянских республик и Казахстана побудило Горбачёва не просто замять обсуждение, но и запретить — в духе прежнего монопольного права — какие бы то ни было публичные дискуссии в связи с «Обустройством». Солженицын знал наверняка, что «Комсомолке», «Литературке» и вообще всей прессе была дана команда не печатать отзывов на его брошюру, вообще ее не обсуждать и не напоминать о ней. Старый партийный прием замалчивания, который так хорошо был знаком Солженицыну по 1960-м и 1970-м, пригодился вновь, несмотря на все достижения гласности, допустившей в печать Оруэлла, Замятина и даже «Архипелаг». Секретариат Горбачёва пытался загладить «шероховатости». «От их имени главред “Комсомолки” Фронин позвонил к нам в Вермонт. Мнение секретариата: “Важно, чтобы Президент и великий писатель сохранили добрые отношения!” И — как же их *сохранить*, если ещё никаких и не было? “Да, но важно на будущее”»¹⁵.

Тем временем редакция «Комсомольской правды» успела сообщить автору брошюры, что приходят сотни писем, и газета намерена печатать подборки из номера в номер. «Но лишь в одном-двух номерах проскочили густые, горячие, разнообразные читательские отзывы — и тут же оборвались. (Через два месяца, в конце ноября, обсуждения недосмотренно вдруг всплыли ещё раз и опять угасли.) Еще в декабре самодовольно надутый “Коммерсант” изрёк плоско-близорукую рецензию. (Месяцем позже дошли до нас отклики украинских газет — эмигрантских и советских. Слитно: бескрайняя ярость и непробивное невежество.)»¹⁶

Солженицыну было понятно, почему брошюра возмутила националистов-сепаратистов Украины и Казахстана — они ни в каком случае не желали оставаться в составе СССР. Русские националисты и большевики-державники, напротив, и слышать не хотели о предстоящем развале Империи. А депутаты-демократы, разгоряченные политической каруселью, вообще предпочитали об этом не думать: Империя, если и падет, то только завтра, а на митинг надо идти уже сегодня. Оставались миллионы простых читателей, подписчиков и покупателей газет, но никто не предлагал и не давал им высказаться печатно.

Тогда казалось, что многомиллионный тираж ухнул в бездну, провалился в бездонный колодец. Выводы из этого громкого провала были очевидны. Горбачёв со скрипом, но все же пропустил в печать «Архипелаг», потому что это было советское прошлое. Ужасное, отвратительное, но прошлое, отношения к которому он сам как будто не имел и своей вины в кошмарах ГУЛАГа не чувствовал. Брошюра же касалась самого что ни на есть настоящего, а также ближайшего будущего той страны, которой он руководил и как генсек, и как Президент, — но речь в ней шла совсем не о тех путях возрождения, совсем не о тех основах построения жизни народа и государства, которые он декларировал. То есть Солженицын своим «Обустройством» вторгся в сценарий перестройки и подверг его серьезнейшей ревизии. Предрекая развал советской империи, он как будто бы выдергивал эту империю из-под Президента, оставлял его без места и объекта власти. Именно в этом поле и были выстроены границы гласности — проект «Обустройства» перекрывал кислород проекту «Перестройки», которая, в свою очередь, вся была нанизана на старые партийные лозунги. Солженицын сказал об этом с присущей ему иронией: *«Лапа Партии по-прежнему лежала на Гласности»*¹⁷.

И по-прежнему лапе партии, как это было при «развитом социализме», покорно повиновались СМИ: вся система агитпропа, при всей его перестроечной дерзости, вела себя, когда надо, послушно и подведомственно.

История с брошюрой показала Солженицыну точно такой же, как и вообще вся перестройка: много шума вокруг да около, много звона и спецэффектов, но мало толку. При огромности тиража, при режиме наибольшего благоприятствования для печати — и такой скромный результат. Ему будто хотели сказать: у нас свобода, хотите напечатать свои размышления — пожалуйста; мы вас напечатаем не глядя и не читая (и не такое печатаем), но не надейтесь стать у нас властителем дум и устройтелем всеобщего счастья. Эти места уже заняты, эти должности давно разобраны, вакансий нет.

Вывод Солженицына был весьма горьким — одна из самых грустных станиц в «Зернышке»: «Прошли месяцы — получал я разрозненные письма от них [читателей] в Вермонт (много писем в те годы и пропадало на советской почте). И кто писал с большим пониманием, а кто — с полным недоумением. А публично — почти и ни звука даже от тех заметных публицистов, журналистов, на кого не действовал запрет высказаться... А остальное Общество? Удивлялись и моим набатным предупреждениям, — с чего это я? И моей тщательной

разработке государственных структур, — кому это сейчас нужно?.. Вот это равнодушие многомиллионной массы — оно ощутимо и ответило мне. В том, что я — за океаном, оторвался от реальной советской жизни? не толкусь там на митингах? Или в том, что со всем сгустком моего накопленного исторического опыта и красноречия — я пришёл со своим “Обустройством” слишком рано? Да, не опоздал, а — рано... Уже немало лет жил я с невесёлым одиноким чувством, что в тяжком знании забежал от соотечественников вперёд — и нет нам кратких путей объяснения. Между тем — вот это и была моя реальная попытка возврата на родину. Заодно и проверка — нужен ли я там сейчас? услышат ли меня? спешить ли вослед — развивать и воплощать сказанное? — Ответ был: нет, не нужен. Нет, не услышали. Государственные размышления — это что-то слишком преждевременное для нас»¹⁸.

Реальная попытка возврата на родину через аналитическую брошюру не удалась. Проверка на свою нужность стране в этот ее роковой момент дала отрицательный результат. Самый большой и глубокий вклад, который, как он полагал, он мог сделать в современность, был как бы и принят, но лежал без дела и движения: никто не захотел увидеть в «Обустройстве» спасительную национальную программу. Солженицын сопоставил два эпизода: 1973 год, когда он написал и отправил по инстанции «Письмо вождям». Коммунистические вожди тогда не пошевелились, «свои» накинута с гневом, Запад — с насмешками. 1990 год — «Обустройство», и перестроечная власть без труда заглушила обсуждение, «свои» накинута с яростью, Запад — с насмешками (карикатуры в западной прессе изображали его в ленинской кепке — дескать, приехал спаситель на Финляндский вокзал со своими тезисами провозглашать очередную революцию).

Народ — безмолвствовал в обоих случаях.

Но если бы до писателя доходили те понимающие и сочувствующие читательские голоса, кто гласностью пользоваться не мог и высказывался приватно, он бы смотрел на случившееся не так мрачно. Его читали, над его сочинениями думали и цену им знали. Приведу фрагмент из дневника А.С. Черняева 9 октября 1990 года. «Дочитал “Март 1917-го” Солженицына. Гениальное сочинение — всё предсказал. Думаю, у будущих поколений представление о нашей Великой революции будет формироваться по “Красному Колесу” Солженицына, как у многих поколений о войне 1812 года — по “Войне и миру” Л.Н. Толстого».

И вообще всё было не столь безнадежно: не все «свои» были горазды только на гнев и ярость. Осень 1990-го дала неплохой отечественный урожай: в октябре городской Совет депутатов Рязанского горсовета избрал Солженицына почетным гражданином Рязани — провинция училась действовать без санкций столицы. Писатель благодарил земляков, среди которых прожил 12 лет, и желал им мудрых решений, которые бы помогли и жить, и дышать. Но и столица не отставала — как будто хотела компенсировать писателю обструкцию при обсуждении его статьи. 11 декабря 1990 года Совет Министров РСФСР

единогласно постановил наградить Солженицына Государственной премией в области литературы и искусства за книгу «Архипелаг ГУЛАГ», о чем и сообщила газета «Советская Россия» в тот же день.

И в тот же день письмом на имя председателя Комитета РСФСР по государственным премиям лауреат от нее отказался. «Я считал бы немыслимым и невозможным принять государственную премию за эту книгу — при том, что большинство нашего народа ещё не имело возможности её достать и прочесть, её малые тиражи продаются на чёрном рынке по бешеным ценам. А тысячи и тысячи бывших зэков доживают свою жизнь или вообще без пенсии или на нищенской, так как каторжный труд в лагерях им не зачтён в трудовой стаж. При таких условиях — для всех них получение мной премии было бы горькой иронией. Но шире того: в нашей стране болезнь ГУЛАГа и по сей день не преодолена — ни юридически, ни морально. Эта книга — о страданиях миллионов, и я не могу собирать на ней почёт»¹⁹.

Это — публиковать было можно; гласность позволяла. «Отказ от премии» был напечатан без промедления в «Известиях» и в «Советской России» и был перепечатан другими газетами, без каких бы то ни было последствий.

4

И все же необходимо ответить на вопрос — была ли какая-то конкретная причина, из-за которой Горбачёв решил употребить всё свое влияние, чтобы в момент, когда цензуры в печати фактически уже не существовало (в конце декабря 1991 года будет принят закон РФ «О средствах массовой информации», прямо запретивший цензуру), добиться запрета на обсуждение «посильных соображений» Солженицына? Как именно они вредили (если и в самом деле вредили) перестроечным планам Горбачёва?

Было бы несправедливо оставить в стороне проблему адресата брошюры Солженицына. Кого именно он подразумевал под местоимением «НАМ» — «Как нам обустроить Россию?» Кто эти «МЫ» в подзаголовке статьи — «Мы на последнем докате»? Кто эти «НАС» в утверждении «Нет у нас сил на окраины... Нет у нас сил на Империю!» Очевидно: местоимения первого лица множественного числа, которые употребляет Солженицын в своих «посильных соображениях», вряд ли могут относиться ко всем без исключения гражданам СССР, поставленным перед выбором своего пути. Солженицын это прекрасно понимает, исключая из совокупности потенциальных «обустройщиков» сразу несколько категорий населения: русских националистов, коммунистов, советских патриотов с их, допустим, ложным патриотизмом. «Я с тревогой вижу, что пробуждающееся русское национальное самосознание во многих доле своей никак не может освободиться от пространнодержавного мышления, от имперского дурмана, переняло от коммунистов никогда не существовавший дутый “советский патриотизм” и гордится той “великой советской державой”, которая в эпоху чушки Ильича-второго только изглодала последнюю производительность наших десятилетий на бескрайние и никому не нужные (и теперь вхолостую уничтожаемые) вооружения, опозорила нас, представила всей

планете как лютого жадного безмерного захватчика — когда наши колени уже дрожат, вот-вот мы свалимся от бессилия»²⁰.

Далее к перечню возможных противников «обустройства» автор добавляет также и тех, кто «попугайски повторяет “мы гордимся, что мы русские”», и тех, кто гордится победой в «советско-германской войне» (то есть в Великой Отечественной, как эту войны называли и продолжают называть в СССР большинство населения), и тех, кто, проживая в союзных республиках, не желает отделяться от России («оставшиеся» должны будут объявить о своем отделении сами, чтобы «не длить взаимное обременение»²¹). Главными противниками «обустройства» Солженицын называет «номенклатурную бюрократию, многомиллионный тунеядный управительный аппарат, костенящий всю народную жизнь» и «гранитную громаду КГБ», которая «тоже не пускает нас в будущее»²². А еще — «десятки тысяч образованцев», которые «огрязнены лицемерием и переметчивостью», и трубадуров гласности, с их грязными устами, «которые десятилетиями обслуживали тоталитаризм», и всех уголовных преступников, и акул нарождающегося капитализма, «вращенных в мутном советском подводьи», и православных иерархов, которые во дни всеобщей нищеты не спешат отказываться «от признаков богатства, которыми соблазняет власть»²³.

Всех тех, кто не хочет терять империю (пусть и по разным причинам), набирается очень и очень много. Ну, а как же власть? О действующей, реальной власти (то есть о Президенте СССР М.С. Горбачёве) брошюра не упоминает, ибо речь здесь идет о власти ближайшего и недалекого будущего. Брошюра намечает только рисунок приемлемого государственного строя: он должен вести не к вырождению народа, а к его расцвету, учитывать традиции и жажду устойчивого порядка, которому способствует постепенная демократия, которая строится снизу.

Можно представить себе, что чувствовал Горбачёв, когда читал статью Солженицына. Ему в этот момент всего 59 лет, это даже еще не пенсионный возраст, и он вовсе не геронтократ, кем еще совсем недавно были его несколько предшественников. Он полон сил и желания работать на своем посту — Президента СССР. Он автор перестройки и инициатор гласности, которая как раз и дала шанс Солженицыну напечатать свои произведения на родине, после двадцатилетнего запрета. Однако его существование как Президента СССР полностью проигнорировано в статье, и его личность растворена среди всех тех групп «несогласных», которые в ней перечислены, — ибо он и коммунист, и номенклатурный бюрократ, и трубадур гласности с именем Ленина на устах, и советский патриот. Но даже не это главное.

А главное вот что: в те самые дни февраля 1990 года, когда Солженицын начинает обдумывать, в чем его долг и возможности по отношению к происходящим в России событиям, Горбачёв проводит Пленум ЦК КПСС, где вырабатывается Платформа ЦК КПСС к XXVIII съезду партии: «КПСС считает необходимым развитие договорного принципа строения Союза»²⁴. То есть идет

выработка приемлемого для всех Союзного договора, который ставит своей целью сохранение СССР. «Надо разработать проект Союзного договора и опубликовать его. И основательно, без спешки обсудить в прессе, в обществе — везде. В частности и для того, чтобы все увидели, чем грозит народам выход из Союза»²⁵. Надо ставить вопросы так, убеждает он членов Политбюро, чтобы нейтрализовать желание уходить из СССР.

Трудно не увидеть, что намерения Горбачёва по сохранению СССР были кардинально противоположны тому, что он прочтет в брошюре Солженицына уже через полгода.

Еще через месяц, на третьем Съезде народных депутатов СССР, Горбачёв вновь настойчиво и горячо подтвердил свою приверженность целостности страны. «В последнее время возникла опасность распространения националистических, шовинистических и даже расистских лозунгов. С этим надо бороться беспощадно, применяя всю силу Конституции, законов страны»²⁶. Прибалтийские республики одна за другой объявляли свою независимость от СССР, а Горбачёв призывал в Кремль их руководителей и убеждал отказаться от политического безрассудства, напоминая об исторически сложившихся связях, дружбе и сотрудничестве народов (притом, что генерал и народный депутат СССР В.И. Варенников предлагал, везде, где надо, ввести чрезвычайное положение, прямое президентское правление, войска, чтобы «изолировать руководство», осуществив всё это под предлогом обращения «патриотических сил»).

В апреле «Правда» опубликовала письмо М.С. Горбачёва и Н.И. Рыжкова руководству Литвы о необходимости отмены решений, противоречащих Конституции. Риторика всех апрельских выступлений прямо отсылала оппонентов к опыту Ленина, который «допускал возможность федерации разного типа, с различным уровнем взаимосвязей между национальными образованиями, готовыми объединиться в союз»²⁷. В том смысле, что такой союз не ущемлял бы ничьей независимости, а создавал бы новый этаж, федерацию равноправных республик. Но кого в 1990 году убеждала апелляция к собранию сочинений В.И. Ленина?!

А летом того же года состоялся «парад суверенитетов»: РСФСР, Литва, Узбекистан, Молдавия, Украина, Грузия, Туркмения, Армения, Таджикистан. Полным ходом шел процесс провозглашения суверенитетов автономий в составе России; принимались решения об изменении (повышении) статуса автономных образований. В августе Союз Балтийских государств заявил, что не считает возможным участвовать в разработке Союзного договора. Б.Н. Ельцин со своей стороны всячески укреплял такую позицию, разъясняя, что надо поскорее разрушить вертикальный жесткий стержень и идти к развитию горизонтальных связей. «В том виде, в каком Советский Союз существовал до сих пор, он исчерпал свои возможности, — говорил Горбачёв, выступая в августе в Одесском военном округе. — Но это не оправдание для его развала, сепаратизма, а побудительный мотив для глубокого его преобразования на

новых началах. Народам страны предстоит принять решения в полном смысле судьбоносные для живущих поколений советских людей, с огромными последствиями для будущих поколений. Подготовка нового Союзного договора идет широким фронтом и строится таким образом, чтобы были учтены все мнения и интересы, чтобы он был результатом глубокой научной, общественно-политической проработки»²⁸.

«Комсомольская правда» и «Литературная газета» опубликовали брошюру Солженицына как раз в те дни — между двумя этапами «парада суверенитетов» — когда проект Союзного договора Президент СССР направил для обсуждения в Верховные советы республик и когда Верховный Совет СССР принял закон, подтверждающий приоритет союзных законов над республиканскими. Именно эти документы, полагал Горбачёв, должны всенародно обсуждаться. Выступая на сессии Верховного Совета СССР, он сказал: «Пусть нас не пугают новоявленные борцы за суверенитеты... Народ надо еще спросить. На Украине это сделали в самые критические моменты, и не было меньше 70 процентов тех, кто высказывался за сохранение и обновление Союза. И так везде»²⁹.

24 ноября на всенародное обсуждение был вынесен Союзный договор, который готовился с величайшим трудом и который предусматривал создание Союза Суверенных Советских Республик — нового СССР. За неделю до 1991 года по инициативе Президента СССР Четвертый съезд народных депутатов СССР принял постановление о проведении референдума по вопросу о союзном государстве. Вопрос ставился так: «Считаете ли вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, у которой будут в полной мере гарантированы права и свободы человека любой национальности?» Ответ должен был быть однозначным: да или нет. Референдум состоится 17 марта 1991 года, в голосовании примут участие 80 процентов населения, и 76 процентов (113.512.812 человек) из них скажет «Да». «Нет» скажут 21 процент.

На какой-то миг Кремлю показалось, что это победа. Солженицын же назовет референдум очередным беспомощным шагом Горбачева, нервическим поиском народной поддержки. «При расшатанной всей обстановке в стране — что мог весить, какую опору представить референдум? Как поверхностно провели его — так за полгода его результат и смысл»³⁰.

Тем не менее на фоне подготовки к референдуму статья Солженицына естественно была воспринята властями страны как карта из другой колоды, которая путает и портит всю игру. Можно было понять Горбачёва: соображения и предложения Солженицына совершенно не вписывались в концепцию сохранения СССР, которая с таким трудом рождалась в Кремле. Понятно, почему генсек так яростно возмутился предсказаниями о неизбежности распада СССР; при этом он не запретил чтение и распространение брошюры, а пресек, сколько мог, ее обсуждение — ведь на повестке дня стояло обсуждение Союзного договора, за которым маячил референдум. Лапа партии лежала, как

можно видеть, не на гласности как таковой. Длань Президента лежала на попытке помешать продвижению Союзного договора.

«Публично — почти ни звука даже от тех заметных публицистов, журналистов, на кого не действовал запрет высказаться»³¹, — сетовал, как мы помним, Солженицын. И все же серьезные публичные обсуждения его статьи имели место. Они проходили открыто — в аудиториях, актовых залах вузов, библиотеках научных учреждений в формате Круглых столов. Другое дело, что попасть в печать им было действительно в тот момент непросто. Так, стенограмма обсуждения в интеллектуальном клубе Института философии АН СССР «Свободное слово» от 12 ноября 1990 года будет опубликована только в 2010 году, спустя 20 лет³². «Воодушевлены, разочарованы, смущены», — так назовут публикацию ее участники, отражая в заголовке лишь малый спектр всех впечатлений.

Валентин Толстых, доктор философских наук: «Появление эссе А.И. Солженицына вызвало в мире самое противоречивое отношение — от восторгов до протестов. Все пять лет перестройки Солженицын молчал, не выражая своего мнения по поводу происходящих в стране изменений и процессов. Теперь “вермонтский отшельник” высказался — и что же? Одни его пророчеством воодушевлены, другие — разочарованы или по крайней мере смущены. Многих этот документ застал врасплох, вверг в состояние растерянности. И знаете — чем? Не конкретностью своих предложений по “обустройству России”, каковые замечены и довольно активно обсуждаются. А своей целостностью, всеохватностью, попыткой представить “русский вопрос” не только как национальный, но и общемировой вопрос. Это интеллектуальный вызов всей нашей, складывающейся на наших глазах и при нашем непосредственном участии “перестроечной”, весьма противоречивой и пестрой идеологии. Ценность этого документа-проекта в том, что он приглашает и позволяет подняться на новый уровень осмысления общественного процесса, происходящего у нас под именем “перестройка”, как выясняется сейчас, не очень-то определенного в своих целях и будущих очертаниях».

Вадим Межуев, доктор философских наук: «Как мне представляется, ведущей для Солженицына идеей, лежащей в основе всех его предложений, является идея национального возрождения России. Обвиняя коммунистов в том, что они насильственно свернули Россию с ее национального пути развития, вызвав тем самым небывалый моральный кризис общества, писатель видит ее спасение в возвращении к своим национальным корням и истокам. Главный вопрос, который ставит и решает Солженицын, — вопрос о том, что есть Россия как национальное образование и каким образом это национальное должно проявиться в ее политическом, экономическом и культурном устройстве. Национальный вопрос здесь решающий, определяющий все остальные, заключающий в себе как бы внутренний критерий всех возможных и желаемых преобразований. Но именно в выдвижении этого критерия на первый план и

заклучена основная трудность, поскольку процесс национального самоопределения России еще далеко не закончен в наши дни».

Кирилл Разлогов, доктор искусствоведения: «Какое это имеет отношение к тому, что происходит. Думаю, что косвенное, поскольку Россия многократно, со времен патриарха Никона, доказала свою способность противостоять попыткам, условно говоря, модернизации. Разбилась столыпинская попытка модернизации, разбилась октябрьская попытка что-то изменить, разобьется еще одна попытка. И каждый раз это превращается как бы в нечто новое, свое, но на той же самой базе. Если и нынешняя попытка модернизации разобьется, то мы должны исходя из этого текста признать, что у России нет будущего, что она обречена, что наше смутное время перетряхнет ее и вместо четвертой части мира останется огромное количество мелких кусочков».

Леонид Греков, издатель: «Посильные соображения Солженицына не стыкуются с реальной жизнью. Возьмите, скажем, его рассуждение о том, что Россия должна разделиться. Почему? Чтобы не было перемеса, не было перемола национальностей, но ведь вся история России состоит из перемола и перемеса!»

Андрей Герасимов, кинорежиссёр: «В эссе ярко зафиксирована сегодняшняя ситуация, но вызывают недоумение и разочарование попытки заглянуть в будущее, даже ближайшее будущее. Я думаю, что сегодня совершенно непродуктивно искать национальные корни глубоко в истории — кто где жил, чья земля исконная, чья нет... Солженицын так или иначе, по-своему аргументированно, обосновывает авторитарный способ управления, сохраняет иерархию республик, говорит о президентской форме власти».

Карл Кантор, кандидат философских наук: «Солженицын радуется распаду советской “империи” и призывает преодолеть “имперское мышление”. А я этому распаду радуюсь лишь постольку, поскольку он свидетельствует о пробуждении самодеятельности народов, но и опасуюсь, предвижу бедствия для всех народов, если распад Союза дойдет до обособления каждой республики. Сепаратизм нарастает, он захватил и Россию — страну многонациональную, многоэтническую. Теперь от республиканско-национального сепаратизма дело дошло до этнического сепаратизма внутри республик. Даже малочисленные народы ставят вопрос не только о национально-культурной автономии, но и о самостоятельной государственности. Цепная реакция сепаратизма может вызвать цепную реакцию в автономных боеголовках ракет. Не попасть бы нам из огня да в полымя. Поэтому заявляю открыто, что я — “империалист” в том смысле, что считаю гибельным распад Советского Союза, который все называют “империей”. Слова гимна “Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь” не были полной неправдой. Сегодня мы обращаем внимание лишь на то, что на самом деле не вполне свободный и не вполне нерушимый. Но что великая Русь сплотила и что, получая нечто от сплоченных народов, она еще более дала всем им, — это ведь правда. Правда и то, что в

нашей стране потерпел крах не коммунизм, а злая подделка под него, хотя даже и в ней вопреки заправилам в самих народных низах проявлялись черты коммунизма. Поэтому я не могу согласиться с Солженицыным, который крушение тоталитарного строя в нашей стране отождествляет с крушением коммунизма».

Валерий Подорога, доктор философских наук: «Так называемая идея “имперского сознания”, которую тут защищают, меня просто потрясает. Я абсолютно не понимаю такой мотивации. Мы обсуждаем статью Солженицына и не обсуждаем ГУЛАГ? Статья на тему “обустройства России” заслоняет то реальное, единственное дело, которое сделал Солженицын. Проект, который мы обсуждаем, лично меня ни к чему не побуждает. У нас все осталось в том же виде. ГУЛАГ — вот наша проблема, а не обустройство России».

Абдусалам Гусейнов, доктор философских наук: «Если сейчас наша страна расколется на 15 или больше национальных частей, то открывающаяся перед ней перспектива весьма печальна. И аналогии здесь следует искать не в свободно объединяющейся Европе, а скорее, в политически нестабильной и голодающей Африке. Кажется, Солженицын хорошо это понимает. Национальная идея стала в настоящее время самым мощным катализатором общественной энергии людей. Во всяком случае, она оказалась более значимой и реальной, чем религиозные и социальные идеи. Солженицын за то, чтобы разрушить коммунистический железобетон, но он очень обеспокоен, как бы всем не погибнуть под его развалинами. В соединении национальной идеи и идеи государства состоит, как я понимаю, одна из существенных линий программы Солженицына, её социологическая и историческая глубина.

Игорь Масленников, кинорежиссёр: «Я с восторгом воспринял сочинение Солженицына. Другое дело — его несколько архаичные предложения, ссылки на земства. Это трудно оценить, потому что я не знаю, что такое земства. Он, вероятно, отстал от нашей жизни, но как гений чувствует, нюхом чувствует главную нашу беду, то, что мы уже развалились. Поверьте, все уже развалилось. Сейчас самое время собирать, восстанавливать, заново строить и обустраивать».

Через год после этого обсуждения, в декабре 1991 года, после 69 лет существования, Советский Союз распадется на 15 государств. Споры об этом — то как о катастрофе, то как об освобождении из-под гнета — продолжаются, и им нет конца. Выплыли наружу, вскрылись все тяжелые последствия этого события и многие политические спекуляции вокруг него. В центре споров естественно остаются и «посильные соображения» Солженицына, названные вроде бы архаичным для русского уха начала 1990-х словом «обустройство», которое мгновенно стало современным и рабочим.

- ¹ Черняев А.С. Совместный исход. 1990 // http://www.gwu.edu/~nsarchiv/rus/text_files/Chernyaev/1990.pdf Далее цитаты из дневника А.С. Черняева 1990 года приводятся по этому интернет-ресурсу.
- ² См.: *Пресса в обществе (1959–2000). Часть 2. Документы* // <http://evartist.narod.ru/text25/009.htm>
- ³ Солженицын А. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Часть 4. Глава 14 // Новый мир. 2003. № 11. С. 66.
- ⁴ См. об этом, напр.: *Галух А. Десять лет назад на последнем в истории съезде КПСС Борис Ельцин вышел из партии* // *Факты. 2000. 12 июля*; <http://fakty.ua/111040-desyat-let-nazad-na-poslednem-v-istorii-sezde-kpss-boris-elcin-vyshel-iz-partii>
- ⁵ Солженицын А. Как нам обустроить Россию? Посильные соображения // Солженицын А. Публицистика: В 3 т. Ярославль: Верхняя Волга, 1975–1977. Т. 1. 1975. С. 538.
- ⁶ См.: Советская Россия. 1990. 18 августа.
- ⁷ Солженицын А. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Часть 4. Глава 14 // Новый мир. 2003. № 11. С. 67.
- ⁸ Солженицын А. Ответ главе Российского правительства // Солженицын А. Публицистика. Т. 3. 1977. С. 345.
- ⁹ Солженицын А. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Часть 4. Глава 14 // Новый мир. 2003. № 11. С. 67. Курсив мой. — Л.С.
- ¹⁰ Солженицын А. Ответ главе Российского правительства // Солженицын А. Публицистика. Т. 3. С. 345.
- ¹¹ Солженицын А. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Часть 4. Глава 14 // Новый мир. 2003. № 11. С. 61–62.
- ¹² Там же. С. 62–63.
- ¹³ Там же. С. 63.
- ¹⁴ Там же. С. 64.
- ¹⁵ Там же. С. 67.
- ¹⁶ Там же. С. 64.
- ¹⁷ Там же. Курсив мой. — Л.С.
- ¹⁸ Там же. С. 65–66.
- ¹⁹ Солженицын А. Отказ от премии за «Архипелаг ГУЛАГ» // Солженицын А. Публицистика. Т. 3. С. 350.
- ²⁰ Солженицын А. Как нам обустроить Россию? // Солженицын А. Публицистика. Т. 1. С. 542.
- ²¹ Там же. С. 548.
- ²² Там же. С. 552–553.
- ²³ Там же. С. 566–567.
- ²⁴ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 5–7 февраля 1990. М.: Политиздат, 1990. С. 370.
- ²⁵ Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М.С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. М.: Апрель-85, 1995. С. 95.
- ²⁶ Там же. С. 97.
- ²⁷ Там же. С. 103.
- ²⁸ Там же. С. 111–112.
- ²⁹ Там же. С. 119.
- ³⁰ Солженицын А. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Часть 4. Глава 14 // Новый мир. 2003. № 11. С. 68.
- ³¹ Там же. С. 65.
- ³² См.: Литературная газета. 2010. 15 сентября. № 36.